

Денис Хрусталёв

Монгольское нашествие на Русь

1223—1253 гг.

История и наука Рунета

Денис Хрусталев

**Монгольское нашествие
на Русь 1223–1253 гг.**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)41

Хрусталеv Д. Г.

Монгольское нашествие на Русь 1223–1253 гг. /

Д. Г. Хрусталеv — «Издательство АСТ», 2023 — (История и наука Рунета)

ISBN 978-5-17-156001-0

Эпохальный разлом, разделивший русскую историю на до и после — монгольское нашествие XIII в. На нем устанавливают отметку при церковном и политическом разделении Руси на Восток и Запад, при определении идеологических взаимовлияний и тектонических сдвигах в мировосприятии. И все это лишь отчасти, в определенной мере, о которой можно спорить. Как встретила Русь монголов 800 лет назад? В чем было их превосходство? Как случилось, что эти «инопланетные» всадники побеждали почти любого противника? Казалось бы, что они могут против неприступных крепостей? Они же просто кочевники! Да и что им вообще надо? Откуда они и зачем? Но был бой, а потом разгром русских городов. И пришел новый мир. Книга рассказывает о монгольском нашествии по всем доступным сейчас источникам. Материал изложен предельно открыто без традиционного этнокультурного или геополитического флера и предоставляет возможность самостоятельно всмотреться в произошедшее, сделать собственный вывод. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-17-156001-0

© Хрусталеv Д. Г., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Введение	7
Глава 1	10
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Денис Григорьевич Хрусталёв

Монгольское Нашествие

на Русь 1223–1253 гг

© Хрусталёв Д. Г., текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Введение

Эпохи выделяют смыслом вне хронологии. Возрождение ли это, или Просвещение, или просто эпоха немого кино. У них условные рубежи, их ограждают «удобными» датами как ориентирами. Совсем не часто они совпадают с разящими событиями, буквально рассекающими прошлое на две смысловые части, как открытие Америки для европейцев или разрушение Иерусалимского храма для иудеев. Эпохальный разлом. Для русской истории – это монгольское нашествие, которое тоже не было единомоментным, но развивалось на ограниченном отрезке времени, который отделяет «домонгольский» период и все, что было позднее. На нем устанавливают отметку при разделении русских княжеств на западную и восточную агломерации, при церковной и политической сепарации, при определении идеологических взаимовлияний и даже при поиске генных мутаций, но прежде всего – определяя тектонический сдвиг в мировосприятии. И все это лишь отчасти, в определенной мере, о которой можно долго спорить. Предлагаемый материал предоставляет возможность всмотреться в прошедшее и сделать собственный вывод.

* * *

Известный американский историк Ричард Пайпс (1923–2018), длительное время выступавший консультантом правительства США по вопросам отношений с СССР, подчеркивал: «Разрушительность этого [монгольского] нашествия не вызывает ни малейших сомнений, но вопрос о том, как именно оно повлияло на историческую судьбу России, по-прежнему остается открытым». Важность выяснения ситуации он понимал следующим образом: «Ведь если монголы вовсе не оказали на Русь никакого влияния или если подобное влияние было ничтожным, то нынешнюю Россию можно рассматривать в качестве европейской державы, которая, несмотря на все свои национальные особенности, все-таки принадлежит к Западу. Кроме того, из такого положения вещей следует вывод о том, что русская привязанность к автократии сложилась под влиянием каких-то генетических факторов и как таковая не подвержена изменениям. Но если Россия сформировалась непосредственно под монгольским влиянием, то это государство оказывается частью Азии или «евразийской» державой, инстинктивно отторгающей ценности западного мира». Более того: «Если монголы никак не повлияли на Россию или если это влияние не затронуло политической сферы, то российскую приверженность самодержавной власти, причем в самой крайней, патримониальной, форме придется объявить чем-то **врожденным и вечным**. В таком случае она должна корениться в русской душе, религии или каком-то другом источнике, не поддающемся изменениям. Но если Россия, напротив, заимствовала свою политическую систему от иноземных захватчиков, то шанс на внутренние перемены остается, ибо монгольское влияние может со временем смениться на западное»¹.

Крайнее заострение проблемы в таком апологетическом ключе, конечно, остается на совести этого недавно почившего знатока. Ясно, что он путал «иго» и «нашествие», а «монголов» с «Золотой Ордой» и вообще Востоком, но характерно, что для влиятельного американского эксперта нынешняя Россия – а он опубликовал свой текст в 2011 г. – определенно восходит в целом к Руси XIII в. И это наводит на размышление о том, что исторические события никогда не бывают только разрывающими – они также всегда служат «мостиком», связующим прошлое с грядущим.

¹ См.: Пайпс 2011.

Выдающийся немецкий историк Райнхарт Козеллек (1923–2006) называл период монгольского вторжения на Русь «временем, связующим эпохи» (Sattelzeit). Это и смерть старого, и рождение нового – и то и другое происходило болезненно, с кровью, страданием, мукой, что, увы, обычно неизбежно. Можно ли подвести сюда шкалу измерений, выяснить степень боли и масштаб резонанса? Как всегда в гуманитарных науках, мы вряд ли сможем указать здесь точный процент или градус, не говоря о корреляции. Тем не менее оценка событий напрашивается. Произошел надлом, за которым последовали едва ли не революционные общественно-политические, экономические, культурные и даже этнические изменения. Не одновременные и не всеобщие, но приведшие в итоге к оформлению крупного и могущественного многонационального государства – России, а также других стран, возводящих свою историю к Древней Руси.

В научной литературе считается наиболее осязаемой и доступной периодизацией деление древнерусской истории на домонгольский период и время после нашествия. При этом одни нередко воспринимают «Батыеv погром» в качестве тотального «обнуления» всего, что было прежде, а последующее отсчитывают уже от него, возводя к нему, разъясняя им. Другие, напротив, считают, что речь о налете кочевников, пронесшихся смерчем и нанесших урон населению, экономике Руси. Он отразился на некоторых социальных процессах, но не коснулся внутривнутриполитической структуры, общественной системы, культуры и традиции. Тот самый путь к централизации, на который часто указывают авторы научно-популярных сочинений, не был непосредственным результатом нашествия: Батый расколол русские земли, а процессы централизации начались столетие спустя, причем в большей степени благодаря внутреннему социальному развитию, и охватили прежде всего северо-восток страны. Известно, что «иго», то есть система вассально-даннической зависимости, не было установлено сразу после нападения монголов, а стало результатом серии политических договоренностей русских князей, причем распространялось отнюдь не на все княжества.

Часто говорят о культурном и психологическом отставании от других стран, начавшемся на Руси после монгольского погрома. В отношении культуры заключения чаще всего строятся на основе археологического материала, который демонстрирует свертывание или сокращение масштабов ремесленной деятельности, бедность находок второй половины XIII – начала XIV вв., отсутствие большого числа каменных построек и архитектурных изысков. В социально-психологическом плане указывают (подобно Пайпсу) на то, что именно начиная с этого времени (середина XIII в.) наблюдается свертывание демократических институтов на «подконтрольных» монголам землях, а также формирование в народном сознании элементов мировосприятия, свойственных жителям восточных деспотий. Расплывчатость и низкое качество разработки понятийного аппарата отмеченных проблем не позволяет делать однозначные заключения о психологическом портрете русского человека XII, XIII или XV вв., а потому и привязывать к хронологической шкале те или иные сдвиги общественного (и личного) сознания. Не лишены противоречий и данные о состоянии культуры и ремесла. Затруднительно связывать сокращение производства и исчезновение ряда ремесленных центров исключительно с последствиями погрома 1237–1240 гг. Археологические находки зачастую не имеют точных дат и размещаются в широком диапазоне, ориентированном на относительные реперы. Русские князья в междоусобных войнах были не менее жестоки, чем степные гости. Поэтому любой слой пожара примерно XIII века или массовое захоронение тех лет связывать именно с монголами никак нельзя. Также с элитарными искусствами – архитектурой и ювелирным мастерством. О перерыве в каменном зодчестве можно говорить уже с начала 1230-х гг. Эпизодические исключения практически во всех регионах Руси будут фиксироваться независимо от времени военных действий. Датировка ювелирных изделий тем более затруднительна.

В любом случае речь идет о процессе, последствиях крупного – самого крупного – военного вторжения на русские земли, но не с влиянием новой, установившейся внезапно и рево-

люционным путем системы социально-экономических отношений, которую иногда называют «иго». Система определенно возникла, но не сразу и далеко не только в связи с зависимостью от монголов. Прошли десятилетия, сменились поколения после вторжения, и современники вовсе не считали происходившее столь безвариантным, каковым его иногда числят историки.

В эти годы правители Руси были поставлены перед сложным выбором: что противопоставить подавляющей мощи монголов, силе их войск и администрации? Это мог быть компромисс, система договорных отношений, задабривания захватчиков и оттягивания времени. Это могла быть и другая сила: Западная империя, папа Римский или государства, не охваченные вторжением, как, например, Литва, Германия или Швеция. Это могли быть бегство, эмиграция или даже самоубийство, красивая поза и героическая гибель. Некоторые так и поступили. Каждый политический центр Руси решал эту задачу по-своему, комбинируя перечисленные варианты и руководствуясь остротой момента. Одним из результатов было размежевание, формально обозначаемое сейчас как «Восток – Запад». Можно сказать, что к середине XIII в. оно предстало со всей очевидностью. Ретроспективно создается впечатление, что земли Галицко-Волынской Руси после короткого периода консолидации при Данииле Романовиче окончательно сориентировались на путь сближения с западноевропейскими силами и Литвой, правители которой к 1323 г. сменили здесь Рюриковичей – встали на путь утраты титульной национальной и политической идентичности, растворения и смешения в инородной среде, результатом чего было создание новых национальных сообществ, белорусов и украинцев. А северо-восток и Новгород, казалось бы, предпочли замирение и долгосрочное сотрудничество с Ордой – путь рабской социально-политической зависимости, социально-психологической мутации под восточным влиянием, приведшей к формированию нации с «рабской психологией» и «имперским мышлением».

Такая общая картина, исключая частные варианты и неожиданные рецидивы, нередко предстает наблюдателю в качестве непосредственного результата нашествия хана Бату, его естественного следствия. При этом часто из поля зрения выпадают или берутся в скобки те примечательные и сложные социальные и политические процессы, которые шли в русских землях в течение первого десятилетия после появления монгольских войск на границе Рязанского княжества. А ведь именно в эти годы для большинства жителей и властителей Руси наступил тот «момент истины», когда они оказались на перекрестке магистральных путей своей дальнейшей судьбы, судьбы своих детей и внуков. Их выбор тогда предопределил многое. Именно коллизии указанных лет подводят нас к действительному «результату Батыева нашествия». Позднейшее развитие уже не было столь непредсказуемым.

Но начать стоит с того, какой встретила Русь монголов 800 лет назад. Диковинные степняки изумили, они были другими – чужими – странными, инопланетными. Война была их спутником. Казалось, что они могут против неприступных русских крепостей? Да и что им вообще надо? Откуда они и зачем? И был бой, а потом разгром. Пал Киев, разрушен Владимир, сожжена Москва. Пришел новый мир. Потом скажут «иго», а другие прошепчут «империя». Когда всмотришься в произошедшее, путь покажется развитием, а развитие прогрессом. И за туманом веков проступят очертания современности.

Глава 1

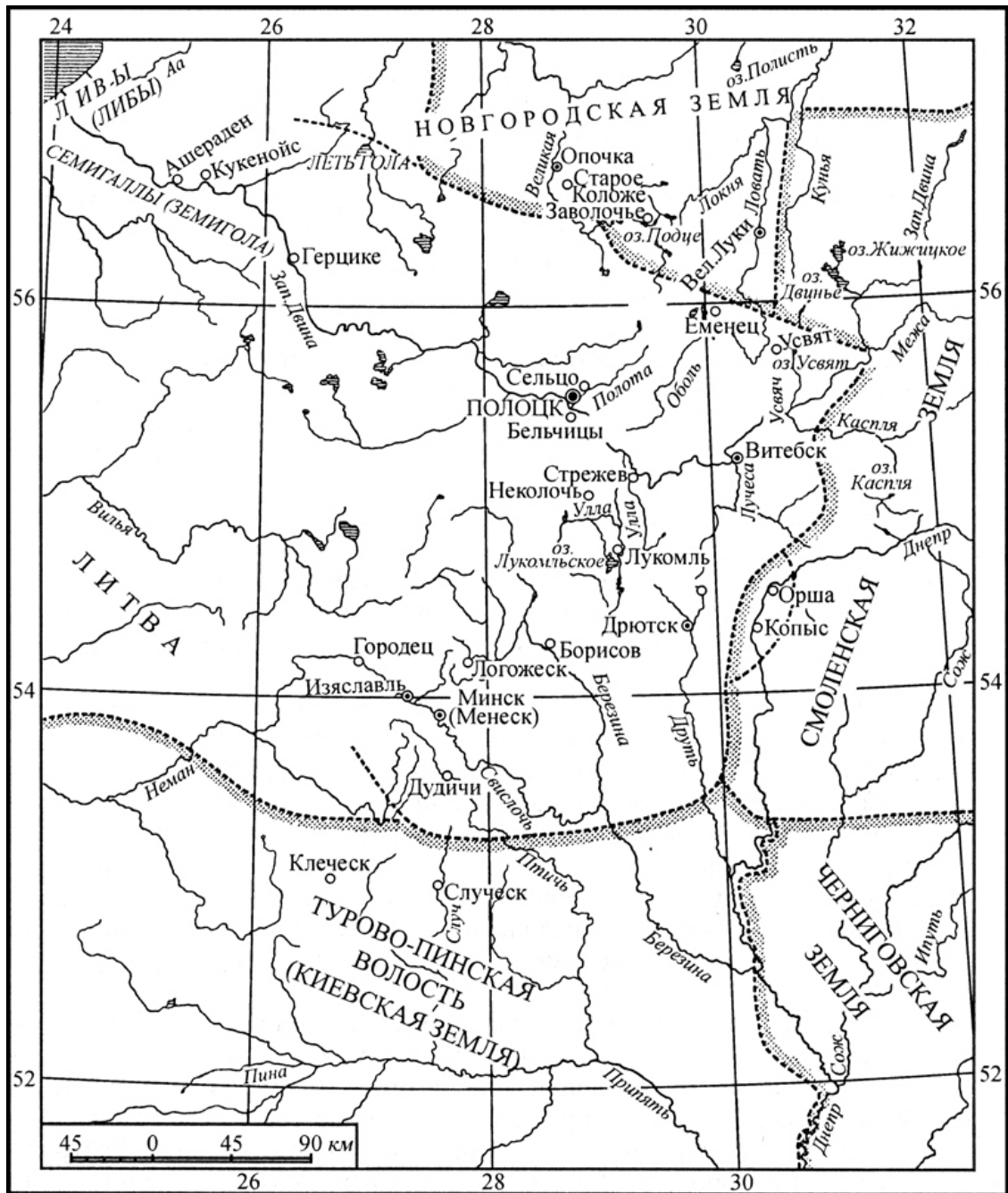
Русские земли в начале XIII в.

В начале XIII в. на Руси выделяют до 13 крупных территориальных образований – земель, фактически представлявших собой независимые государства². Девять из них закрепились за отдельными ветвями княжеского рода Рюриковичей – потомков князя Владимира Святославича, которых принято возводить к легендарному Рюрику. Старейший представитель династической линии держал главный город, а остальная «братия» наделялась волостями во внутренних областях. В четырех землях (Киев, Новгород, Псков, Переяславль Русский), где своей династии не сложилось, на главном столе чередовались князья различных ветвей Рюриковичей, отчего эти владения иногда обозначают как «общерусские» держания. В разряд общерусских могли попасть и земли, где династическая линия пресеклась (Галич); тогда претендовать на стол мог любой властитель – как русского, так и иноземного происхождения. Наследственное право и право старейшинства в этом случае практически никогда не соблюдались, а окончательное решение зависело как от военной мощи претендента, его харизмы, так и от воли жителей земли, то есть прежде всего главного города.

Основным стержнем политической жизни Руси второго-третьего десятилетий XIII в. была борьба за контроль над «общерусскими» столами между четырьмя сильнейшими ветвями рода: черниговскими Ольговичами, волынскими Изяславичами, смоленскими Ростиславичами и суздальскими Юрьевичами. Фактически к середине 1230-х гг. Русь распалась на четыре политических объединения, замыкающихся на четырех территориально-династических центрах. Подобные союзы возникали в истории Руси не раз, и их рыхлый внутренний характер, а также борьба с другими такими же объединениями неизменно приводили к развалу и дезинтеграции. Однако считается, что сложившиеся в начале XIII века группы земель могли стать прообразами трех-четырех отдельных стран, поделивших между собой всю территорию Руси. Монгольское нашествие существенно изменило намечавшиеся перспективы оформления новых государственных образований, статус земель и их политические возможности. Чтобы помочь разобраться в степени и характере этих изменений, далее предлагается краткий обзор политической истории русских земель накануне появления на их границах монголов, абрис «политического багажа», с которым каждая из земель-княжений пришла к отмеченному рубежу.

² См. подробнее: Горский 2016.

Полоцк

Полоцкое княжество в XII в. Границы указаны схематически.

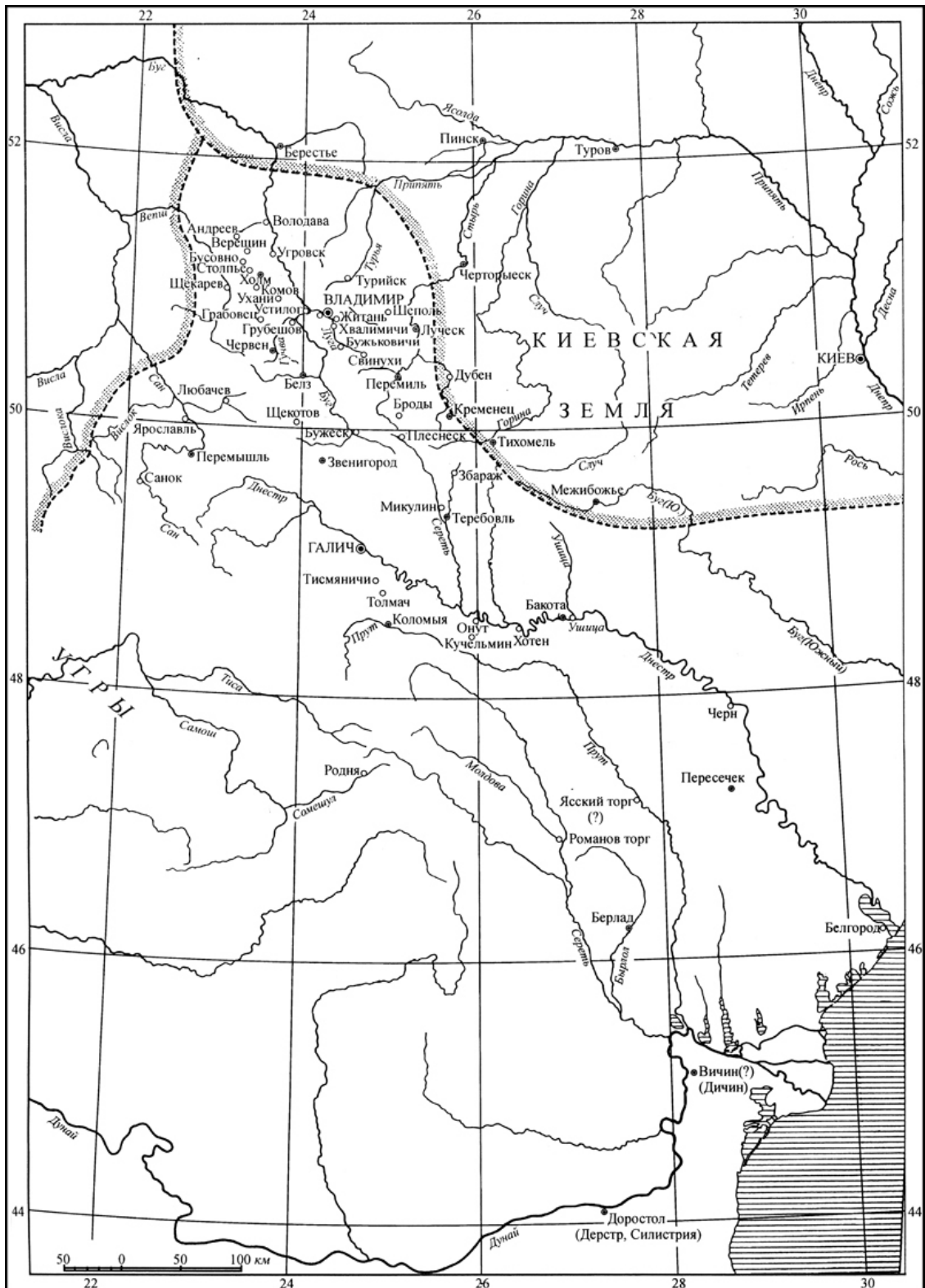
В рассматриваемое время процесс обособления русских княжеств уже имел более чем двухвековую историю. Полоцк первым приобрел собственную династию из рода Рюриковичей. В начале XI в. Владимир Святой передал эту землю своему сыну Изяславу, за потомками которого утвердилось наследственное владение. Уже в начале XII в. ливы, курши, земгалы и латгалы были данниками Полоцка. Однако контроль над племенами Латгалии и Подвинья русские князья на рубеже XII–XIII вв. практически мирно уступили Ливонскому ордену и Рижскому

архиепископу³. Давление Литвы периодически ставило Полоцкое княжество на грань выживания. К XIII в. княжество пришло сильно раздробленным и лишенным политического веса. В 1223 г. в результате короткого похода смоленские войска утвердили свой протекторат над полоцкими землями. Судя по всему, за местной династией сохранились лишь мелкие, зависящие от Смоленска (и Литвы) держания: Минское, Витебское, Друцкое, Изяславское, Городецкое и Логожское княжества⁴.

³ См. подробнее: Хрусталеv 2009. Т. 1. С. 27–65.

⁴ См. подробнее: Алексееv 2006. Кн. 2. С. 4–22.

Галич

Галицко-волыньская земля в середине XII в. Границы указаны схематически.

В конце XI в. беспокойные внуки Владимира – старшего сына Ярослава Мудрого – Володарь и Василько Ростиславичи закрепили за своими потомками Перемышльское и Теребо-

вльское княжения. Их объединил Владимир Володарьевич (1124–1153), который, кроме того, присоединил некоторые соседние земли. Эти области стали костяком обширного политического образования, столицей которого в начале 40-х гг. XII в. признали Галич. Пика могущества Галицкое княжество достигло при Ярославе Осмомысле (1153–1187), который «отворял Киеву врата» и фактически контролировал старейший русский стол. Красочный некролог этому правителю привел В. Н. Татищев: «Сей князь был честен и славен во всех землях... Со всеми князи жил в любви и совете, паче прилежал о устроении земли, и тако всем соседем был страшен. Никто не смел на него нападать, зане воеводы, непрестанно греком, венгром и чехом помогая, искусны в воинстве и храбры в битве были. Земля же его во всем изобиловала, процветала и множилася в людех, зане ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к нему приходили и грады населяли, которыми обогасчалась земля Галицкая во всем...»⁵ Однако уже при сыне Ярослава, Владимире, стабильность в регионе была нарушена прежде всего в связи с ростом политической активности галицких горожан, а также претензиями соседней Венгрии. Борьба особенно обострилась после смерти Владимира (ум. ок. 1199 г.), с которой пресеклась династия, идущая от Ростислава Владимировича. Можно сказать, что Галич стал «общерусским» столом, и в борьбу за него включились все четыре сильнейшие ветви Рюриковичей, а также венгерские короли и польские князья. Практически два десятилетия были наполнены внутренними усобицами и вторжениями извне, истощавшими силы этой богатейшей страны. Период относительного спокойствия наступил, когда в 1221–1227 гг. галицкий стол захватил блистательный Мстислав Мстиславич Удатный (Удалой). Однако практически сразу после его смерти (1228) борьба разразилась снова и не прекращалась вплоть до монгольского нашествия. Сильному дроблению княжество подверглось только во второй половине XIII в., а в начале столетия можно говорить лишь о нескольких частично обособленных областях, как то: Звенигород, Перемышль, Теробовль, Белз, Понизье. В условиях непрекращающихся войн о монолитной государственной территории говорить сложно, но определенное единство земли сохранялось. Иногда даже удавалось достигать высокой степени централизации. К сожалению, эти периоды длились недолго.

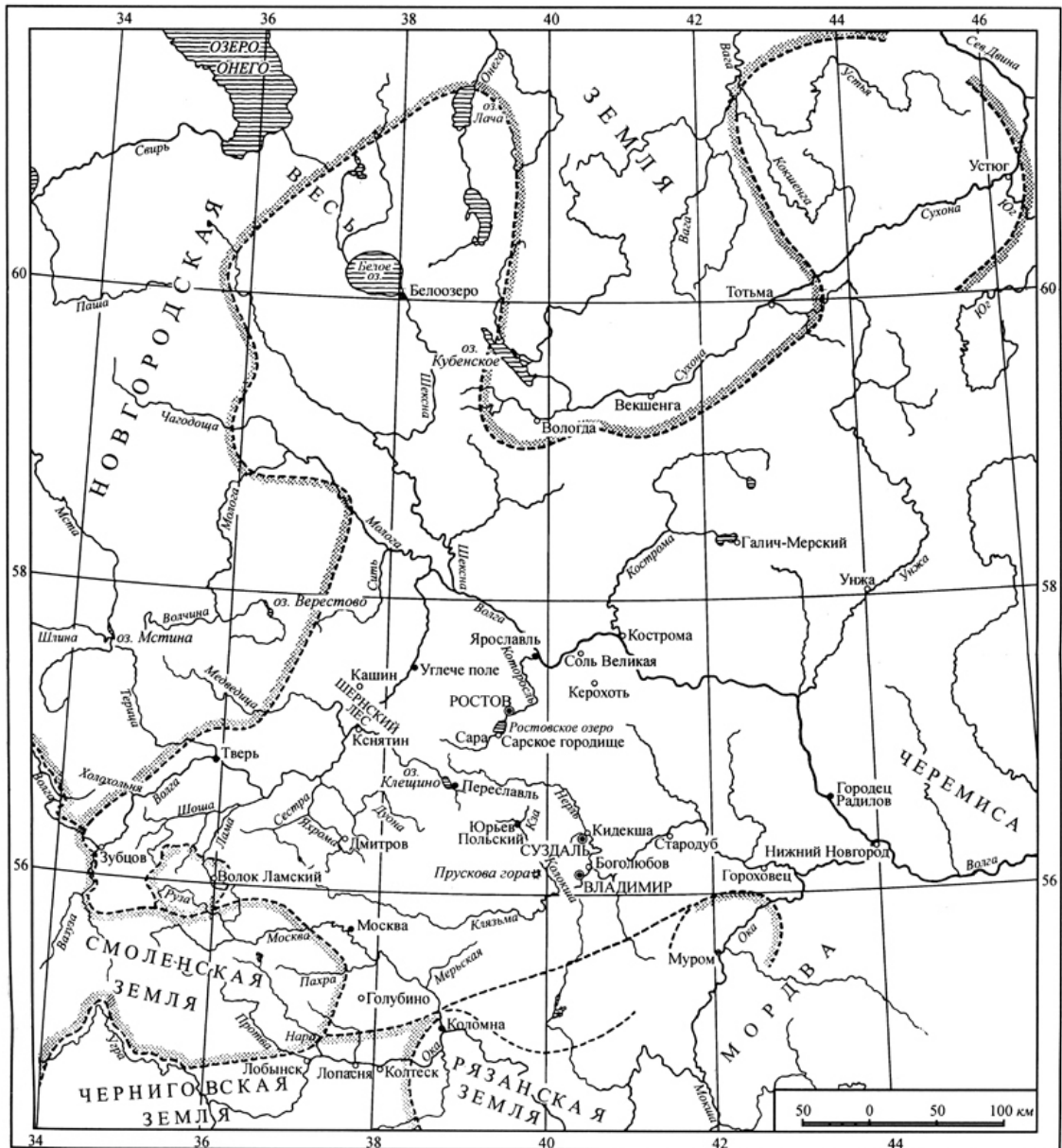
Вольнь

Вольнскими князьями – после того как в 1156 г. сын Изяслава Мстиславича Мстислав изгнал из Владимира Вольнского своего дядю Владимира – стали Изяславичи. В начале XIII в. вольнский князь Роман Мстиславич подчинил своей власти Галич, а затем Киев. Лишь его внезапная смерть в 1205 г. во время похода на Польшу прервала стремительный процесс формирования нового могущественного государства. После 1205 г. Владимир Вольнский несколько раз переходил из рук в руки, пока в нем в 1214 г. не закрепились сыновья Романа Даниил и Василько, приступившие вскоре к возрождению империи отца. Галич в это время захватили венгры, попытки выбить их продолжались вплоть до утверждения там в 1219 г. Мстислава Мстиславича Удалого, который, в свою очередь, вынужден был в 1221–1222 гг. заключить мир с венграми на условиях наследования галицкого стола после его смерти венгерским королевичем Андреем. Мстислав умер в 1228 г., и с этого года берет начало длившаяся вплоть до монгольского нашествия затяжная битва за Галицию, в которой неизменно участвовали, а потом и победили вольнские князья⁶.

⁵ Татищев 1994. С. 143.

⁶ См.: Майоров 2001; Майоров 2011.

Владими́ро-Сузда́льская земля

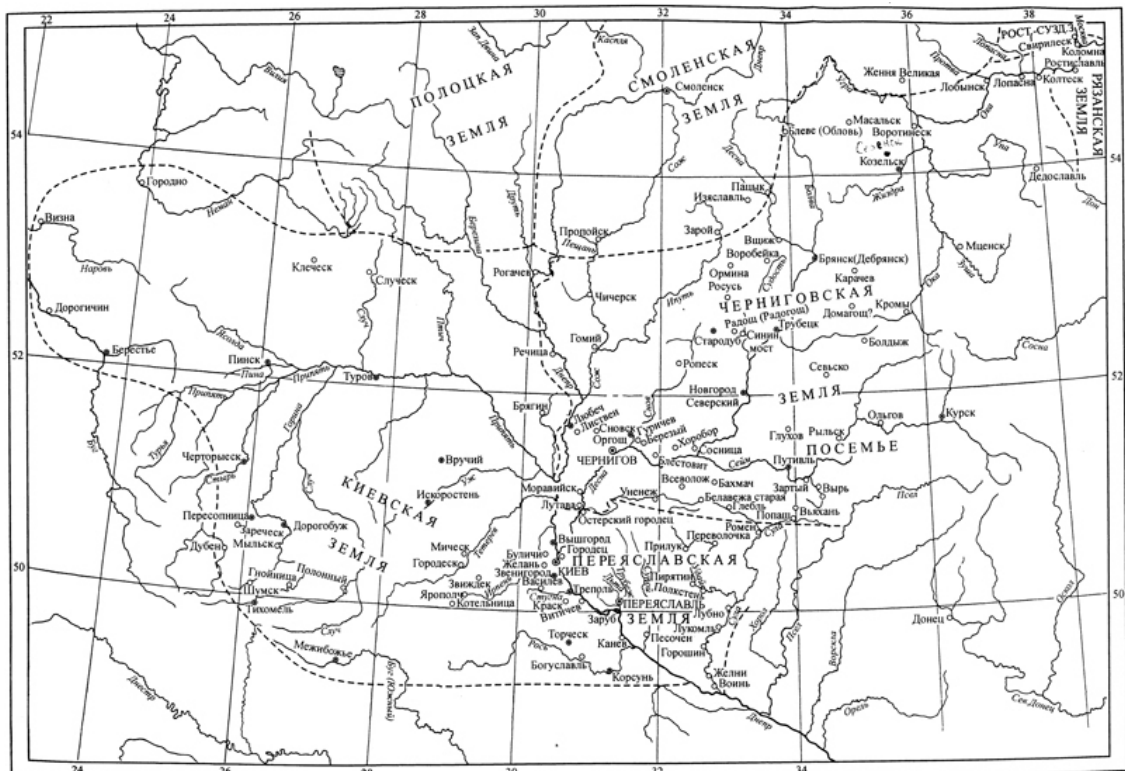

Владими́ро-Сузда́льское княжество в XIII в. Границы указаны схематически.

Северо-восточные земли Руси после длительного правления Юрия Долгорукого (ум. 1157) сохранились за его детьми. Андрей Юрьевич Боголюбский бросил свои владения на юге Руси и ушел на «милый его сердцу» север уже в 1155 г. С этого времени можно говорить об окончательном выделении Ростово-Суздальского (позднее – Владимиро-Суздальского) княжества в отдельное государственное образование. Даже захватив в 1169 г. Киев, Андрей Боголюбский не захотел сесть в нем, а, оставив князем своего ставленника, вернулся во Владимир-Залесский. Позднее северо-восточные князья редко принимали участие в усобицах на юге страны, предпочитая роль стороннего наблюдателя, который, как известно, часто побеждает. Другой сын Юрия Долгорукого, Всеволод Большое Гнездо – в период своего княжения (1176–1212 гг.) не раз демонстрировал свои самодержавные претензии, диктовал условия соседним княжествам (Киев, Смоленск, Новгород, Рязань) и добивался их соблюдения. Восхищенный

отзыв о могуществе Всеволода содержит «Слово о полку Игореве»: «Великий княже Всеволоде!.. Ты бо можеш Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». После смерти Всеволода монопольное господство Владимирского князя в северной части Руси было подорвано, а в самой Ростово-Суздальской земле разгорелась междоусобная война среди его наследников. В 1212 г. спор старшего Всеволодовича, Константина, с отцом привел к ссоре, в результате которой верховную власть в своих землях Всеволод завещал второму сыну – Юрию. Константин сохранил за собой Ростов, но сложившимся положением доволен не был. Ряд вооруженных столкновений, в которых на одной стороне выступал Константин, а затем и Мстислав Мстиславич Удалой с союзниками, а на другой – братья Юрий и Ярослав, завершился крупным поражением последних в Липицкой битве (апрель 1216 г.). Константин вступил во Владимир и был признан великим князем на северо-востоке. Юрий получил Городец-Радилон на Волге (в 1217 г. был переведен в Суздаль), а Ярослав вернулся в Переяславль-Залесский, которым владел еще при жизни отца. После внезапной смерти Константина (2 февраля 1218 г.) Юрий занял великокняжеский стол и сохранял его последующие двадцать лет, вплоть до гибели в битве на Сити (1238). Дети Константина поделили между собой области на северо-западе и северо-востоке Владимирского княжества: Василько получил Ростов, Всеволод – Ярославль, а Владимир – Угличе Поле (Углич). Братья Юрия сохранили прежние владения: Ярослав – Переяславль-Залесский, Святослав – Юрьев-Польский, а Владимир (ум. в 1227 г.) – Стародуб Суздальский. После 1216 г. и до монгольского нашествия Владимиро-Суздальское княжество практически избежало сколько-либо значительных междоусобных войн (единственное обострение в 1229 г. разрешилось мирным путем), подошло к 1237 г. сплоченным и сильным⁷.

Чернигов

Киевская, Черниговская, Переяславская, Турово-Пинская и Берестейская земли в XIII в. Границы указаны схематически.

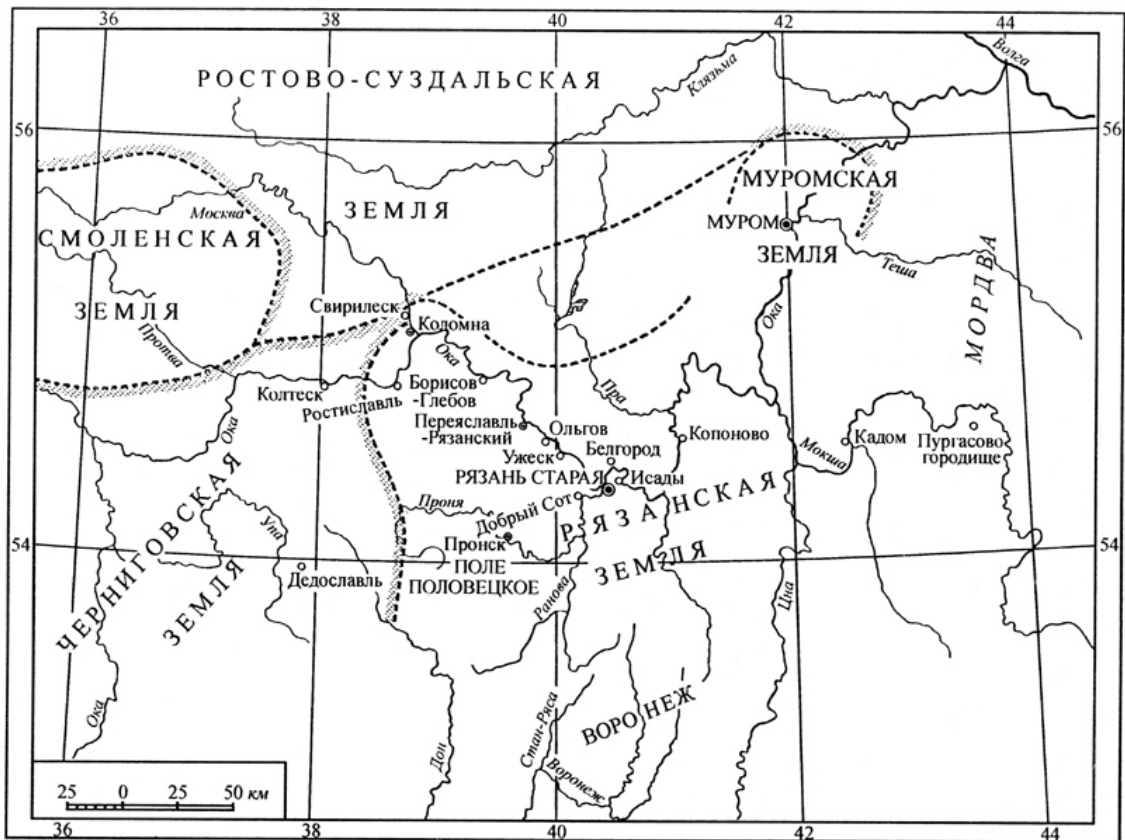
⁷ См. подробнее: Кучкин 1984; Лимонов 1987; Дубов, 1985; Кривошеев, 2003. С. 42–83; Кузнецов 2006.

Этого нельзя сказать о Чернигове. Годом окончательного обособления этого стола считают 1127-й. В этом году потомки Святослава Ярославича поделили Черниговское княжество на владения сыновей Давыда и Олега Святославичей (с 1167 г. наследовали только Ольговичи, так как род Давыдовичей пресекался): собственно Черниговская земля и Муромо-Рязанское княжество, где закрепился Ярослав Святославич. Потомки последнего чуть позже разделили землю: наследникам Святослава Ярославича достался Муром, а его брата Ростислава – Рязань. Представители династии Ольговичей не раз утверждали свое старейшинство в Русской земле и длительное время владели Киевом. Это и Всеволод Ольгович (1139–1146), и Святослав Всеволодович (1176–1194). В начале XIII в. активно боролся за Киев Всеволод Святославич Чермный (черниговский князь примерно с 1204 г.). Он несколько раз овладевал древнерусской столицей, но так и не закрепился в ней. Всеволод Чермный умер в Чернигове ок. 1213 г., где ему наследовал брат Мстислав. Вскоре после битвы на Калке в Чернигове утвердился старший представитель следующего поколения Ольговичей – сын Всеволода Чермного Михаил, который и сохранял этот титул вплоть до своей смерти в Орде в 1245 г. Михаил оказался князем активным и амбициозным. В 1220-е гг. он вел ожесточенную борьбу с Ярославом Всеволодовичем (из Юрьевичей) за контроль над Новгородом, а после поражения переключился на географически более близкий регион – Южную Русь. В 1235 г. он захватил Галич, откуда накануне монгольского нашествия перешел в Киев, претендуя на старейшинство в стране. Непрерывные конфликты с претендентами на подконтрольные Михаилу столы истощили силы не только галичан и киевлян, вынужденных в той или иной мере участвовать в войнах, но также силы «отчинных» владений Михаила, Черниговской земли. Последняя встретила монгольские войска утомленной, лишенной лидера и неспособной сопротивляться.

В конце XII – начале XIII в. активно шел процесс дробления Черниговского княжества. Начинали отчетливо выделяться Сновское, Козельское, Трубочевское, Рильское, Путивльское, Новгород-Северское, Курское, Стародубское, Елецкое и Вщижское княжения, признающие пока верховный сюзеренитет Чернигова, но уже способные на самостоятельные инициативы⁸.

⁸ См. подробнее: Голубовский 1882; Dimnik 2007; Зайцев 2009.

Муromo-Рязанская земля

Рязанское и Муромское княжества в XIII в. Границы указаны схематически.

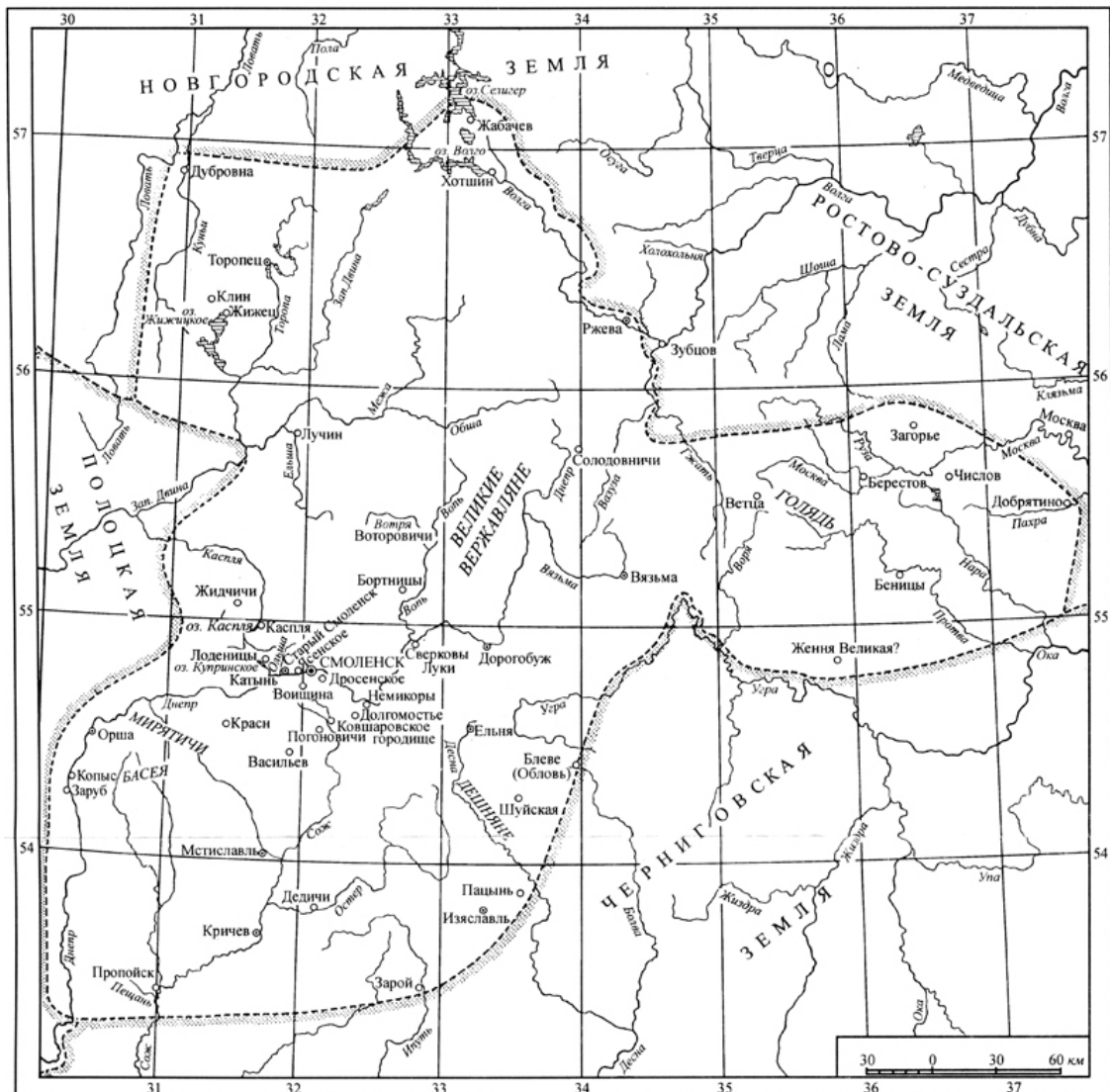
Аналогичные процессы наблюдались и в Рязанской земле, которая уже в начале XIII в. подверглась значительному дроблению: простой подсчет показывает, что область была разделена более чем на десять (!) наделов, хотя достоверные сведения сохранились только о Пронске и Белгороде. Подобная чересполосица существенным образом сказалась на политической жизни региона. Более жесткой и кровопролитной междоусобной борьбы, чем среди рязанских князей, древнерусская история не знает. Так, в 1217 г. князья Глеб и Константин Владимировичи пригласили на пир в село Исады (6 км от Старой Рязани) пятерых своих двоюродных братьев и одного родного (Изяслава). Только братья начали «пити и веселиться», как были перебиты дружинниками Глеба и Константина, которые после этой резни бежали к половцам и еще не раз приводили степняков на родину. После событий в Исадах Рязанским великим князем стал Ингварь Игоревич, чудом уклонившийся от приглашения на пир, как отмечено летописью: «не бе бо пришло время его»⁹. По сообщению В. Н. Татищева, умер Ингварь в 1235 г. Ему наследовал сын Роман, смененный вскоре (по непроясненным причинам) братом Юрием, который оставался верховным рязанским властителем вплоть до монгольского нашествия. В общерусском политическом поле рязанские князья в начале XIII в. склонялись то к Владимиро-Суздальскому, то к Черниговскому княжеству, но после походов Всеволода Большое Гнездо зависимость от северного соседа возобладала полностью.

О междоусобной борьбе и размежевании Муромской земли известий нет. Значение и территория этого окруженного лесами владения были невелики, и стабильность там, вероятно,

⁹ НПЛ, 58.

удавалось поддерживать. Около 1205 г. князем в Муроме стал Давыд Юрьевич, а в 1228 г. ему наследовал сын Юрий, встретивший монгольские войска вместе с союзными рязанскими князьями. В этот период в летописи зафиксирована полная подчиненность муромских князей Суздальскому властелину, для которого они исполняли роль руководителей вспомогательного войска, то есть вассальную службу¹⁰.

Смоленск

Смоленское княжество в середине XII в. Границы указаны схематически.

Влияние Юрьевичей сказывалось и за западной границей их владений, в Смоленске. Эти земли после смерти Владимира Мономаха (1125) были переданы деятельному сыну Мстислава Великого Ростиславу, активность которого привела к закреплению стола за его потомками. В 1154 г. Ростислав после смерти брата Изяслава получил Киев, но был выбит оттуда черниговцами Изяслава Давыдовича. Вторично завладев древнерусской столицей в 1159 г., Ростислав сохранил ее до своей смерти в 1167 г. В Смоленске ему наследовали сыновья: Роман, а затем Давыд. Их брат Рюрик, имевший держания как в Киевской, так и в Смоленской землях,

¹⁰ См. подробнее: Иловайский 1858; Монгайт 1961; Даркевич Борисевич 1995.

неоднократно владел Киевом в период с 1173 по 1211 г. После смерти в 1230 г. Мстислава Давыдовича, старшего из второго поколения Ростиславичей, смоленский стол более двух лет оставался вакантным. Вероятно, смоляне не хотели впускать в город естественного наследника – Святослава Мстиславича, владевшего после 1223 г. Полоцком. Несмотря на сопротивление горожан, в 1232 г. Святослав подошел с полочанами к Смоленску и взял город «на щить»¹¹. Судя по всему, этот князь удерживал за собой землю вплоть до 1238–1239 гг., когда летопись представляет уже Ярослава Всеволодовича (перемыславль-залесского) распоряжающимся смоленским столом.

В течение всей первой половины XIII в. политическое значение Смоленска неуклонно снижалось. Сначала его силы истощили сами Ростиславичи, разросшийся клан которых постоянно участвовал в той или иной междоусобной войне. Далее следовали участвовавшие грабежи иноземцев, литовцев, которые вскоре перестали воспринимать Смоленскую область как препятствие в набегах на богатые новгородские города. Литовское влияние росло, не встречая какого-либо существенного противодействия. Позднее вслед за Полоцком эти земли окончательно подпадут под власть Литвы, усиление которой во второй половине XIII в. станет основным внешнеполитическим фактором как для Смоленска, так и для всех западнорусских земель¹².

Турово-Пинская и Болоховская земли

В западных областях Руси в XIII в. сохранялось также малозначимое в политическом отношении Турово-Пинское княжество, где со второй половины XII в. сидели потомки Святослава Изяславича, и так называемая Болоховская земля в верховьях Южного Буга, Случи и Тетерева, где владельцами были «Болоховские князья», этническая принадлежность которых остается предметом дискуссии. Судя по всему, они держались в русле влияния Киевского князя.

Киев

Кроме перечисленных земель существовали четыре, которые, как отмечалось, не закрепились за какой-то одной династической ветвью. Их называют «общерусскими». Это прежде всего Киев, сохранявший в начале 30-х гг. XIII в. статус «старейшего» города – столицы Руси. Вплоть до 1234 г. эту землю контролировали Ростиславичи: в 1212–1223 гг. Мстислав Романович Старый, погибший в битве на Калке, а с 1223 по 1236 г. с коротким перерывом – его двоюродный брат Владимир Рюрикович. Последний в результате конфликта с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем был изгнан, и несколько лет накануне монгольского нашествия в Киеве происходила настоящая «княжеская чехарда». Номинально в момент появления монголов на границах страны киевским князем был Ярослав Всеволодович, пришедший туда из Переяславля-Залесского¹³.

Переяславль Русский (Южный)

Не стал «отчинным» владением какой-либо ветви и Переяславль-Южный, которым владели различные представители потомков Владимира Мономаха. В 1206 г. там некоторое время

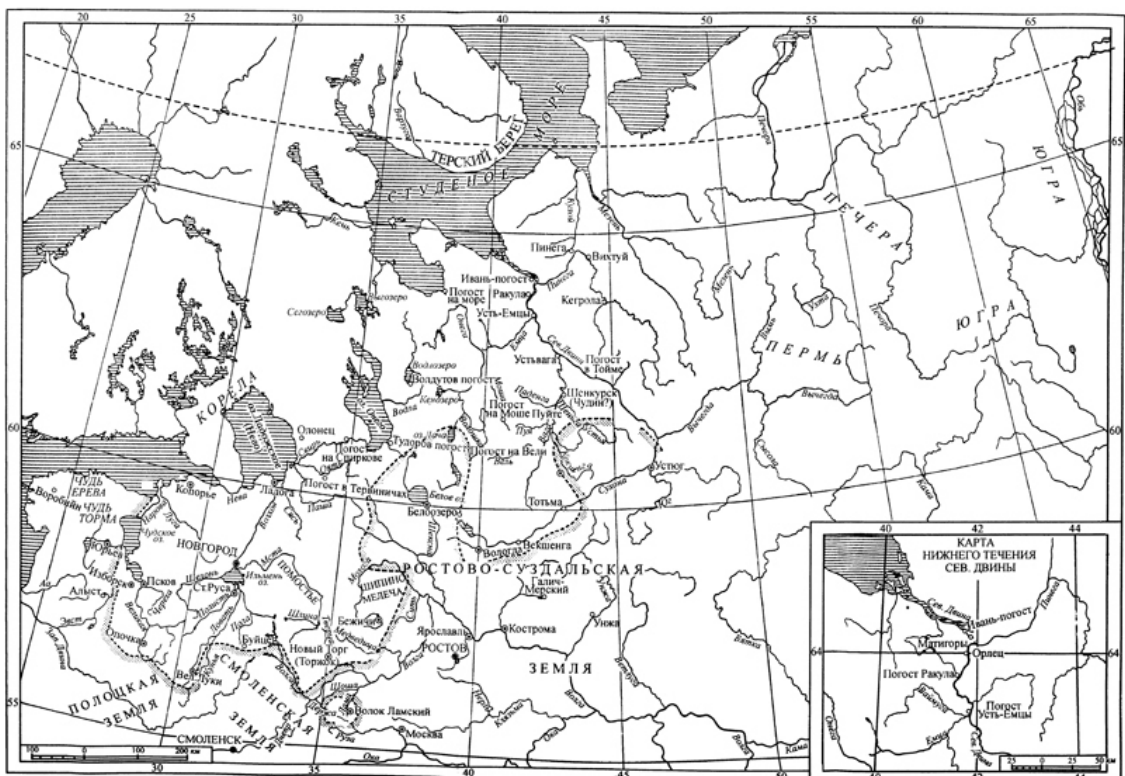
¹¹ НПЛ, 72, 281.

¹² См. подробнее: Голубовский 1891; Алексеев 1980.

¹³ См. подробнее: Толочко 1980; Насонов 2002; Хрусталеv 2020.

правил Михаил Всеволодович из Ольговичей. Но в том же году его сменил Владимир Рюрикович из Ростиславичей. Затем княжение закрепили за собой суздальские Юрьевичи – потомки Всеволода Большое Гнездо. Около 1213 г. там начал княжить Владимир Всеволодович, но после 1217 г. он, судя по всему, вернулся на северо-восток. В 1227 г. в Переяславле был посажен Всеволод Константинович, которого в 1228–1230 гг. сменил дядя Святослав Всеволодович. Снижение военной активности кочевников, форпостом против которых являлся Переяславль, а также существенное изменение направлений торговых путей привели к упадку этой волости как в экономическом, так и в политическом отношении. Судя по всему, к моменту нашествия Батые там даже не было собственного князя, хотя номинально он контролировался, скорее всего, владими́ро-суздальскими Всеволодовичами¹⁴.

Новгород

Новгородская земля в XIII в. Границы указаны схематически.

К «общерусским» столам относился и Новгород, где влияние купеческой верхушки и горожан на выбор князя длительное время не позволяли закрепиться той или иной династии. В начале XIII в. новгородцы то приглашали представителя династии Юрьевичей – Константин Всеволодович (1205–1208) или Святослав Всеволодович (1208–1209), то обращались к Ростиславичам – Мстислав Мстиславич (1209–1215, 1216–1218) или Всеволод Мстиславич (1219–1220), а то признавали Ольговичей – Михаила Всеволодовича (1225, 1229–1230). С четвертой попытки в Новгороде утвердился Ярослав Всеволодович. Первое его княжение относилось к 1215–1216 гг. и завершилось Липицкой битвой; затем он возвращался в город в 1223 г. и 1225–1229 гг. Наконец 30 декабря 1230 г. он «целова святую Богородицу на всех грамотах Ярославлих и на всей воли новгородчской»¹⁵. С тех пор в городе княжат только его наслед-

¹⁴ См. подробнее: Ляскоронский 1903; Коринный 1992; Кузнецов 2006. С. 50–133.

¹⁵ НПЛ, 278.

ники. В 1236 г., отправляясь на княжение в Киев, Ярослав без каких-либо опасений передал новгородский стол своему сыну Александру (в будущем – Невскому)¹⁶.

Псков

Схожая ситуация в отношениях с князьями сложилась и в Пскове, который вплоть до 1137 г. был новгородским пригородом. Обретя частичную самостоятельность, город сохранял целый комплекс «элементов зависимости» от северорусской столицы, которая покровительствовала ему, назначала туда князей (наместников) и обязывала поставлять военную помощь. В начале XIII в. в Пскове сидели по преимуществу Ростиславичи: с 1209–1211 гг. – Владимир Мстиславич, брат Мстислава Удалого. В 1232 г. там упоминается его племянник Юрий¹⁷.

Таким образом, к началу 1230-х гг. сложились четыре устойчивых династических объединения, охватившие своим влиянием все территории Руси. Это, прежде всего, Всеволодовичи (Юрьевичи) с Владимиро-Суздальским княжеством и тянущимися к нему Рязанью и Муромом. Верховным правителем здесь был Юрий Всеволодович. Его брат Ярослав, сохраняя за собой Переславль-Залесский, утвердился в Новгороде, который, таким образом, подпал в орбиту влияния Суздальской династии. Другим центром был Чернигов – столица Ольговичей. Здесь правил Михаил Всеволодович, который часто и не без успеха претендовал на «общерусские» столы. В 1220-е гг. он несколько раз княжил в Новгороде, а потом в Галиче и Киеве. Возмужавший Даниил Романович с братом Васильком (Изяславичи – Романовичи) к 1230-м гг. уже прочно держали Волынь, пресекая любые попытки внешнего давления (Польша, Венгрия, Литва) и выказывая виды на Галич. Ряд княжений в эти годы сохранила ветвь Ростиславичей. Так, Владимир Рюрикович занимал Киев, а другие его родственники – столы в Смоленске, Полоцке и Пскове. Географически эти владения заполняли водораздел между зонами влияния Юрьевичей-Ольговичей и Изяславичей (Романовичей), а также зоны контактов с другими странами (Ливония, Литва, Половецкая земля). Подобное положение вынуждало Ростиславичей искать договоренностей с соседями, участвовать в частых военных предприятиях и находиться в центре практически всех конфликтов своего времени, которых, как мы увидим ниже, было немало.

Таким в самых общих чертах предстает внутривнутриполитическое положение Русских земель накануне монгольского вторжения.

¹⁶ См. подробнее: Янин 2003; Петров 2003. С. 161–209; Хрусталеv 2009. Т. 1. С. 66–213; Лукин 2014.

¹⁷ См. подробнее: Валеров 2004. С. 118–184; Мусин 2010; Хрусталеv 2013.

Глава 2

Монголы. Первая встреча

*Надев свою расшитую бисером шапку,
Вытянув ноги в железных стремях,
Ты оставайся [там], пока не прославишь небо и землю!
Если Небо укажет тебе путь-дорогу,
Ты совершишь поход [даже] за море. Да!
Не прерывай же своих призывов и песен!
Ты совершишь походы через скалы,
Не прерывай же своих криков и призывов!
Ты уходишь, и словно отрывается рукав или полы.
После же посылай на крыльях весть о своих поступках!*

Чингисхан¹⁸.

В 1206 году монгольский вождь Тэмуджин, именующий себя Чингисханом, был объявлен Великим Ханом, Царем Царей и Государем Государей, правителем всех монголов, повелителем «царства лица земного», обращенного к Вечному Синему Небу. Это событие знаменовало завершение междоусобицы, раздиравшей монгольские племена более столетия¹⁹. Но до формирования могущественной евразийской империи было еще далеко, и отголоски прежних племенных конфликтов звучали долго.

Исключительно затяжным был конфликт рода Борджигин, к которому принадлежал Тэмуджин, с племенем меркитов (мергетов), обитавшим в нижнем течении Селенги, между Байкалом и рекой Онон, коренной землей монголов. В свое время – середина XII в. – отец отбил свою будущую супругу и мать Чингисхана у меркитского вождя. Вскоре после вступления Тэмуджина в брак (около 1180 г.) меркиты напали на его стойбище и захватили его жену Бортэ, которая, как впоследствии утверждал сам Чингисхан, была беременна. Тэмуджин поднял на войну соседние племена и вскоре вернул Бортэ с новорожденным, но в семье хана навсегда сохранилось сомнение в законности происхождения его первенца – Джучи, которого молодые братья нередко обзывали наследием меркитского плена. Десятилетиями Чингисхан мстил меркитам, убивал их и буквально изничтожал – совершил на них несколько больших походов, вырезав чуть ли не всех его представителей, родственников, союзников, сочувствующих и укрывателей.

Завершающий этап разгрома меркитов относится к 1204–1205 гг. (по другой датировке: 1208–1209 гг.), когда в альянсе с ними выступило племя найманов. В 1204 (1208) г. Чингисхан разбил их по отдельности. Выжившие ушли на запад. Весной следующего года Чингисхан перевалил через Алтай и встретил в верховьях Иртыша у его правого притока Бухтармы («Эрдышская Бухдурма»; сейчас на границе России и Казахстана) объединенное войско меркитского Тохтоа-беки и найманского Кучлук-хана. В результате ожесточенного боя Тохтоа погиб, а Кучлук бежал. При отступлении большая часть войска найманов и меркитов была перебита или потонула, переправляясь через Иртыш. Далее, как сообщает монгольское «Сокровенное сказание»:

«Закончив переправу через Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Найманский Кучулук-хан пошел на соеди-

¹⁸ Лубсан Данзан 1973. С. 233.

¹⁹ Об истории монголов до 1206 г., их объединении и организации Чингисханом подробнее см.: Бартольд 2002; Трепавлов 1993; Вернадский 2001. С. 18–40; Владимирцов 2002. С. 328–417; Храпачевский 2005. С. 27–48; Крадин Скрынникова 2006. С. 68–128.

нение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов. А Меркитские Тохтоаевые сыновья, Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие Меркиты, взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов»²⁰, то есть кипчаков (половцев).

«Сокровенное сказание монголов» (или «Тайная история монголов»; в китайской транскрипции «Юань-чао би-ши») – единственный сохранившийся монгольский источник XIII в. Судя по содержанию, он был составлен в правление хана Угэдэя, смерть которого в конце 1241 г. не отмечена в сочинении. Это позволило историкам сойтись в датировке памятника 1240 г. Сказание дошло до нас в списках XIV в., сделанных в Китае: монгольский текст был записан китайскими иероглифами. Этим обусловлены многочисленные расхождения в чтении личных имен и топонимов. Кроме того, сказание – сочинение эпическое, отчего не может служить надежным источником для восстановления хронологии. Стоит согласиться с тем, что до 1206 г. вообще все даты начального этапа монгольской истории носят приблизительный характер. В частности, окончательный разгром меркитов и найманов, о котором говорилось выше, отнесен в «Сокровенном сказании» к году Быка, который приходился на 1205 г. от Р. Х. Однако такой автор XIV в., как Рашид ад-Дин, датировал начало кампании годом Дракона, который начинался с «[месяца] раджаба 604 г. х.», т. е. 1208 г.²¹. Та же дата использовалась в китайских источниках. Эта война знаменовала собой победу Чингисхана над своими врагами внутри Монголии и подводила к триумфальному объединению страны под его началом, состоявшемуся на курултае в 1206 г. Смысловые акценты сказителя здесь очевидны, что позволяет допустить, что им подчинялась и датировка.

«Сокровенное сказание монголов» было обнаружено в середине XIX в. в Пекинской библиотеке архимандритом Палладием (Петр Иванович Кафаров; 1817–1878) – выдающимся синологом и главой Русской Православной миссии в Пекине. Он рукопись приобрел, в 1866 г. опубликовал ее перевод на русский, а в 1872 г. – русскую же транскрипцию текста. Только в начале XX в. (в 1903 и 1908 гг.) появились более качественные китайские издания оригинала. Первое полное научное издание источника осуществил немецкий синолог Эрих Хёниш (Haenisch; 1880–1966) – книга вышла в Лейпциге в двух томах в 1937–1939 гг., а в 1941 г. была дополнена переводом на немецкий. Одновременно над текстом работал Сергей Андреевич Козин (1879–1956), чей перевод на русский – в том числе стихотворный (!) – увидел свет в том же 1941 г. Козин планировал издание трех томов, как и Хёниш, но опубликовали лишь перевод. У Хёниша сначала вышел текст оригинала, а потом перевод. Козин сразу издал перевод. Торопились. В гонке за перевод «Сокровенного сказания монголов» Советский Союз и Германия пришли к финишу почти нос к носу. Впоследствии в 1962 г. Борис Иванович Панкратов (1892–1979) опубликовал факсимильное издание китайской рукописи памятника с ее описанием и некоторыми комментариями. Предполагались и публикации комментированного перевода (т. 2), и глоссария (т. 3), и реконструкций текста (т. 4), но ничего не состоялось. В 1998 г. были изданы фрагменты перевода, которые в некоторых местах определенно выглядят менее «литературизованными», чем у Козина. Первый перевод на английский «Сокровенного сказания» вышел только в 1982 г. Автором был известный монголовед Френсис Вудман Кливз (Cleaves; 1911–1995). В те же годы над переводом работал и итальянский историк Игорь де

²⁰ Козин 1941. С. 151.

²¹ Рашид-ад-Дин 1952. С. 151–152.

Рашевильц (Rachewiltz; 1929–2016), который опубликовал свой перевод на английский в 11 выпусках «Papers on Far Eastern History» за 1971–1985 гг. Сводный комментированный перевод на английский Рашевильца вышел только в 2004 г. – в двух томах в Лейдене. Именно он считается сейчас классическим на Западе – в англоговорящих странах. На русском сохраняет свое значение многократно переизданный перевод С. А. Козина.

Фазлуллах ибн Абу-л-Хейр Рашид ад-Дин (*Rashīd al-Dīn*; 1247–1318) был высокопоставленным чиновником монгольской администрации Ирана – визирем (с 1298 по 1317 г.). Врач, ученый, историк, государственный деятель, он десятилетиями собирал материалы по всеобщей истории, вошедшие в фундаментальный «Сборник летописей» («Джами ат-таварих»), заверченный около 1311 г. Раздел, посвященный монголам («Тарих-и-Газани»), занимает не только значительную часть текста, но составляет главную ценность его работы. Рашид ад-Дин имел возможность не только пользоваться ханскими архивами, но и беседовать с ближайшими потомками непосредственных участников завоеваний, а на рубеже XIII–XIV вв. был лично вовлечен в происходящее. Характерно, что он не был знаком с «Сокровенным сказанием», хотя использовал в том числе родственные с ним источники.

Первое издание части «Сборника летописей» было предпринято в 1836 г. французским ориенталистом Этьеном Катремером (Quatremère; 1782–1857), который представил персидский текст с комментированным переводом на французский «Истории Хулагу-хана». Вскоре – в 1858–1888 гг. – большие фрагменты о Чингисхане и монгольском нашествии опубликовал в русском переводе востоковед Илья Николаевич Березин (1818–1896). Позднее появились переводы на английский, французский и другие языки. Для русских исследователей до сих пор важнейшее значение имеет сборник переводов, подготовленный Владимиром Густавовичем Тизенгаузенем (1825–1902) в рамках большого проекта «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», который включал фрагменты из Рашид ад-Дина, касающиеся отечественной истории. Было задумано 4 тома, которые должны были представить на русском все зарубежные (как восточные, так и западные) письменные источники по Золотой Орде (XIII–XV вв.). Первый том (извлечения из арабских сочинений) вышел в 1884 г., а второй (извлечения из персидских сочинений, в том числе Рашид ад-Дина) Тизенгаузен так и не смог опубликовать при жизни – он увидел свет в 1941 г. после обработки советскими востоковедами А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Хрестоматия Тизенгаузена остается классической и фактически заполняет собой доступные отечественным исследователям переводы источников, относящихся к периоду монгольского нашествия.

Накануне и в первые годы Второй мировой войны в Европе развернулось настоящее соревнование в области изданий, комментирования и перевода восточных авторов, повествующих о монгольском нашествии. Это коснулось и подготовки первого полного издания «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. АН СССР приступила к работе в 1936 г. и собиралась представить труд в четырех томах. К 1939 г. Альфред Карлович Арндс (1893–1977) подготовил третий том «Сборника летописей», повествующий о событиях конца XIII в. Но издать его смогли только после войны – в 1946 г. Чешский ориенталист Карл Ян (Jahn; 1906–1985) опередил советских академиков и уже в 1940 г. представил тот же материал на немецком. Об этом с сожалением писали отечественные востоковеды в 1952 г. в предисловии к 1-

му тому русского перевода Рашид ад-Дина. Однако в дальнейшем лидерство СССР восстановилось. Первая полная публикация труда Рашид ад-Дина с комментариями и переводом была осуществлена именно на русском языке: 1-й том – в 1952 г. (в двух частях; перевод Л. А. Хетагурова, О. И. Смирновой), 2-й том – 1960 г. (перевод Ю. П. Верховского), 3-й том – 1946 г. (перевод А. К. Арендса). Персидский текст был издан отдельным томом в Баку в 1957 г. На английском языке длительное время классическим считался частичный перевод Джона Бойла (Boyle; 1916–1978), вышедший в 1971 г. Полный перевод на английский появился только в 1998 г. Прежде, как сетовал автор американского учебника по истории монголов в 1986 г. Дэвид Морган, историк, не знающий персидского, вынужден был изучать русский, чтобы читать первоисточники.

В отношении войны с найманами и меркитами до битвы на Бухтарме большинство исследователей предпочитают использовать хронологию «Сокровенного сказания». Далее там сообщает об отправке в погоню за меркитами войск во главе с Субэдей-багатуром:

«В том же году Коровы (1205) отдавал Чингисхан приказ. Посылал он Субеетая, посылал в железной колеснице преследовать Тогтогаевых сынов, Худу, Гал, Чилуана и прочих. Посылая же, наказывал Чингисхан Субеетая: «Тогтогаевы сыны, Худу, Гал, Чилуан и прочие в смятении бежали, отстреливаясь. Подобны они заарканенным диким коньям-хуланам или изюбрам, убегаящим со стрелой в теле. <...>. Велю тебе, потом, перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. <...>. Поступайте так, будто бы нас разделяет только река. Но не мыслите иначе и особо, будто бы вас отделяют горные хребты. Не мыслите одни одно, другие – другое. Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки наши Тогтогаевых сыновей. К чему непременно хлопотать о доставке их к нам? Вы сами прикончите их на месте». И еще наказывал Чингисхан Субеетая: «Посылаю тебя в поход ради того, что в детстве еще я трижды был устрашаем, будучи обложен на горе Бурхан-халдун Удуитами, из трех Меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до дна глубокого». Так, возбуждая дух его к преследованию, приказал он выковать ему железную колесницу и в год Коровы напутствовал его в поход...»²²

Мы используем прозаический перевод С. А. Козина, хотя он предлагал и стихотворный, чуть отклоняющийся от дословности, но передающий ритмику, изначально заложенную в оригинальный монгольский текст. При чтении нараспев эпическая сила произведения многократно возрастала. И сюжет с меркитами не случайно избран в качестве фона, на котором изложены нравоучительные заветы великого хана. В целом тема мести является для «Сокровенного сказания» важнейшей, определяя ее главные каузальные связи. Татары отравили отца Тэмуджина – тот уничтожил татар, Тангутское царство отказалось помочь в войне с Хорезмом и было разрушено, Хорезмшах убил монгольских послов и умер в изгнании. Примеры можно множить, но каждый из них разовый, заключен в цикл и имеет точку завершения. Лишь к меркитам сказитель возвращается многократно. Для него очень важен образ племени лживого и коварного. Меркиты пугают Тэмуджина в детстве (упоминается несколько раз), крадут его молодую жену, именно победа над ними делает Тэмуджина известным и, лишь победив их, он становится великим. Они символизируют вековое зло, которое не позволяло монголам объединиться – раздор и предательство, изгнав которые, великий хан создал нацию, даровав ей законы и двинув на покорение мира. Несомненно, что этот эпический образ не был оторван от реальности. Скорее всего, война с меркитами действительно носила для Чингисхана принципиальный характер. И если их побратимами стали кипчаки (половцы), то тех также следует

²² Козин 1941. С. 153–154.

настигнуть и уничтожить, даже если придется преследовать их до «последнего моря». В этом смысле поход Субэдея предстает «священной миссией» ради «священной кары».

Рашид ад-Дин датировал новую кампанию также годом Быка, но следующего цикла, то есть позже на 12 лет, что вполне укладывается в хронологию событий, восстанавливаемую по другим источникам. Составитель «Сокровенного сказания», судя по всему, просто выбрал из двух возможных годов Быка более близкий, что позволило компактно изложить тему меркитов. В действительности Чингисхан не стал сразу преследовать Кучлук-хана и Тохтоаевых сыновей. Они проиграли и бежали, а монгольского правителя ждали другие противники.

Чингисхан. Китайская миниатюра XIV в.

С 1205 г. монголы начинают прощупывать слабые места на границах тангутского государства Си Ся, своего ближайшего соседа, с которым их связывала многолетняя вражда. В 1207–1209 гг. Чингисхан провел серию кампаний против тангутов, которые в итоге признали его власть. Пока отец воевал на юге, Джучи отправился на северо-запад и покорил так называемые лесные народы (ойратов, бурят, киргизов, др.), заложив основу своего будущего улуса.

Сразу после замирения с тангутами Чингисхан приступил к подготовке войны с другим своим южным соседом, обремененным не менее долголетней враждой – чжурчженями, контролировавшими северокитайскую империю Цзинь. Причиной там также была месть. Во время разгрома тангутов они сохранили нейтралитет, за что заплатились. С 1211 г. монголы начали кампанию против Цзинь, к которой с 1214 г. присоединилось Си Ся. Южнокитайская империя Сун также поддержала Чингисхана. Военные действия длились почти без перерыва до 1224 г. Цзинь была разгромлена, разорена и распалась, сохранив осколки независимости лишь в областях, расположенных южнее Хуанхэ. Последние ее владения были покорены монголами к 1234 г.

Чингисхан лично руководил военными действиями в северокитайских землях до 1217 г., после чего передал дела своему полководцу Мухали и вернулся на берега Керулена, где стал размышлять о расширении влияния в других направлениях.

Непосредственными соседями монголов на западе были уйгуры, которые еще в 1209 г. добровольно признали власть великого хана и влились в его войско. За уйгурами располагалось государство кара-китаев (кара-киданей; «черных киданей»), возникшее в результате миграции этого родственного монголам объединения из Северного Китая, где они с X в. до 1125 г. образовывали империю Ляо. Прибыв в Среднюю Азию, кара-китаи довольно быстро распространили власть на обширные области в Восточном Туркестане и Семиречье, где им покорились даже некоторые кипчакские кланы (канглы). Вскоре они контролировали огромную территорию от Таласа на западе и до Алтая на востоке, степи севернее оз. Балхаш и до Кашмира на юге. Кроме того, кара-китаев связывал давний конфликт с Хорезмом, с которым они регулярно вели войны и который к началу XIII в. платил им дань.

После разгрома найманов кара-китайский правитель – гурхан – принял к себе их последнего вождя Кучлука, который был им приближен, но затем поднял восстание и захватил власть (ок. 1211 г.). Конфликт кара-китаев с монголами теперь стал неизбежен. Чингисхан в самом конце 1217 г. послал против него войска во главе с Джэбэ-нойоном. Судя по сведениям Рашид ад-Дина, Кучлук был христианином, но у кара-китаев обратился в «язычество» (т. е. стал буддистом), а став гурханом, начал активно притеснять мусульман, составлявших большинство местного населения. При подходе войск Джэбэ, который через глашатаев донес до жителей свой принцип «свободы вероисповедания», многие провинции восстали против Кучлука. Последний вынужден был бежать, даже не вступая в сражение с интервентами. Вскоре – в том же 1218 г. – его настигли в Бадахшане (Памир) и убили. Государство кара-киданей перестало существовать. На его земли пытался претендовать Хорезм, но вскоре они влились в евразийскую империю монголов.

Отправка Субэдея против меркитов, согласно «Сокровенному сказанию», состоялась в год Быка (1205), а на следующий год – «год Барса (1206)» – Чингисхан повелел «Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана»²³. У Рашид ад-Дина последовательность событий примерно та же, но датировка смещена: «В год быка, соответствующий 612 г.х. [1215–1216 гг. н. э.], Чингиз-хан послал Субэдай-бахадур вместе с войском на войну против Куду и его племянников по брату». Затем он послал в помощь Субэдею отряд Тухучар-бахадур, который составлял ок. 2000 воинов. Встретившись, «они отправились совместно до реки Чан-мурэн, что в Монголии» и «в тех пределах» «дали сражение Куду, разбили племя меркит и всех перебили»²⁴. Чуть позже, под следующим годом сообщается о предприятии Джэбэ против Кучлука: «В том же упомянутом году барса [начавшемся в месяц зул-кадэ

²³ Козин 1941. С. 153, 158.

²⁴ Рашид-ад-Дин 1952. С. 177–178.

614 г.х. (30 января – 28 февраля 1218 г.)), в пределах гор Бадахшана войска Чингиз-хана под предводительством Джэбэ-нойона захватили в ущелье Сарыколь Кушлук-хана и убили»²⁵.

На этих событиях Рашид ад-Дин завершал важный этап в деятельности Чингисхана с 1211 по 1218 г., выделяя его в отдельную главу, которую в начале аннотировал:

«За упомянутое время он упрочил прежде [всего] дела Китая и вернулся назад. Затем покончил с делом Кушлука и Куду, государя меркитов, захватил и умертвил тех, которые после того как [сначала] подчинились, [потом снова] восстали, вроде племен киргизов, туматов и прочих»²⁶.

Важность темы меркитов, заметная для составителей «Сокровенного сказания», унаследовал (возможно, неосознанно) Рашид ад-Дин. При этом он допускал странные хронологические ошибки, сопоставляя год Быка (1217) с 612 г. х. (1215–1216 гг. от Р. Х.), а год Барса (1218) с 614 г.х. (1217–1218 гг. от Р. Х.). Путаница в датировке представлена и у других авторов, причем даже у современников.

Необычно излагает события Иззеддин Абуль-Хасан Али ибн Мухаммад аль-Джазари, известный как Ибн аль-Асир (*ibn al-Athir*; 1160–1233) – арабский ученый, посвятивший себя историческим исследованиям. Он принадлежал к знатной курдской семье землевладельцев и администраторов из Мосула (Ирак). От него дошло два исторических сочинения. Первое имело предметом локальную историю Мосула и было посвящено местной династии атабеков. Второе стало делом всей его жизни – это «Полная история» («Аль-кямиль фи т-тарикх»), охватившая период от сотворения мира до 1231 г. – важнейший источник по истории Ирана от периода Саманидов до монгольского завоевания. Особую ценность для европейских историков представляют его сведения о крестовых походах, а также о монгольском нашествии. Первую часть своего труда Ибн аль-Асир закончил в 1203 г., но потом многократно дополнял вплоть до 1231 г. В отношении монголов его сочинение тем более ценно, что принадлежит врагу, противнику, который, хотя и не участвовал сам в событиях, но очень внимательно за ними следил.

Оригинал «Полной истории» Ибн аль-Асира издал в 1851–1876 г. шведский ориенталист Карл Торнберг (Tornberg; 1807–1877). Фрагментами ее переводили многократно уже с начала XIX в. Отечественный востоковед Николай Иванович Ильминский (1822–1891) опубликовал первые переводы на русский в 1854 г. Затем отрывки в связи с монгольским нашествием на Русь издал в своем сборнике В. Г. Тизенгаузен (1884). Позднее появлялись переводы других частей. Наиболее крупный фрагмент текста, касающийся истории Азербайджана, издал на русском в 1940 г. отечественный востоковед арабского происхождения Пантелеймон Крестович Жузе (1871–1942). До сих пор нет полного перевода «Полной истории» на какой-либо из европейских языков.

Ибн аль-Асир старался собирать все возможные сведения, которые поступали в Ирак о новых завоевателях, хотя, конечно, имел весьма условное представление как о географии Средней Азии, так и о событиях в далеких степях. Поход монголов против Кучлука он поместил в контекст ситуации в Хорезме, где были убиты послы Чингисхана, прибывшие с требованием наказать виновных после избиения монгольских купцов в Отраре в 1218 г. Согласно Ибн аль-Асиру, хорезмшах немедленно после убийства послов направился в поход на «татар», желая захватить их врасплох: «Так он шел и, пройдя пространство 4 месяцев [пути], прибыл в обиталища их, но увидел там только женщин, отроков и младенцев. Он напал на них, забрал все и увел в плен женщин и детей. Причина отсутствия неверных в жилищах их была та, что

²⁵ Рашид-ад-Дин 1952. С. 178, 179.

²⁶ Рашид-ад-Дин 1952. С. 162–163.

они ушли воевать с одним из тюркских царей, который называется Кушлуханом. Сразившись с ним, они обратили его в бегство, забрали с собой имущество его и возвратились. На пути встретило их известие о том, что сделал Хорезмшах с оставленными ими [дома]. Ускорив ход, они настигли его прежде, чем он успел выбраться из их жилищ. Выстроились они к битве и совершили бой, какому подобного не было слышно. Длилась битва 3 дня да столько же ночей и убито с обеих сторон столько, что и не сочтешь, но не обратился в бегство один из них»²⁷.

В итоге никто не победил. Стороны разошлись ночью, оставив огни костров дабы противник думал, что лагерь не опустел. Количество погибших мусульман Ибн аль-Асир оценивал в 20 тысяч. Предводителем монголов он считал «сына Чингисхана», причем добавлял, что «отец же не присутствовал в этой сшибке, да и не знал о ней». Само событие текстуально отнесено к 617 г.х. (1220 г. от Р. Х.).

Очень похоже излагает произошедшее другой современник – Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ибн ‘Али ибн Мухаммад ал-‘ан-Насави (*an-Nasawī*? – 1249/1250), который с 1224 г. входил в окружение, а затем был личным секретарем последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны (1220–1231), сына того хорезмшаха Мухаммада, который воевал с Кучлукком. После покорения монголами Хорезма ан-Насави служил айюбидам и сельджукским правителям в Сирии. Через десять лет после гибели Джалал ад-Дина он приступил к составлению его жизнеописания («Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны»). Это уникальный источник по истории монгольских завоеваний в Средней Азии и Иране, составленный очевидцем и непосредственным участником событий, причем противником монголов.

Сочинение сохранилось всего в двух списках, из которых один (Лондонский) – дефектный, в нем утрачены многие фрагменты текста. Второй список (Парижский) – единственный полный – лег в основу всех публикаций. Первое его издание и перевод на французский в 1891–1895 гг. осуществил известный востоковед Октав Удас (Houdas; 1840–1916). Это издание до сих пор считается эталонным. Полный перевод на русский труда ан-Насави выполнил в 1973 г. советский востоковед Зия Мусаевич (Муса оглы) Буниятов (1921–1997). В 1996 г. он был переиздан с исправлениями и дополнениями.

Ан-Насави полемизировал с Ибн аль-Асиром относительно датировки первого боя монголов с Хорезмом, при этом допускал новые странные неточности. Четвертую главу своего сочинения ан-Насави озаглавил: «Рассказ о гибели Кушлу-хана от руки Души-хана, сына Чингиз-хана, в шестьсот двенадцатом году [2 мая 1215 – 19 апреля 1216] – Ибн аль-Асир ошибочно отнес это к шестьсот шестнадцатому году»²⁸. Однако, как мы видели, у Ибн аль-Асира события отнесены не к 616 г. х., а к 617 г. х. С другой стороны, именно к 612 г. х. приписывал события Рашид ад-Дин, нелепо совмещая их с годом Быка (1217). Кроме того, он также как ан-Насави, пропускал 613 г. х., продолжая изложение под 614 г. х. (10 апреля 1217 г. – 29 марта 1218 г. от Р. Х.).

Примечательно понаблюдать, как ан-Насави исправлял сведения Ибн аль-Асира. Демонстрируя свою исключительную осведомленность о произошедшем, он писал: «Когда Чингиз-хан узнал, что Кушлу-хан захватил владения Кашгара и Баласагун и что в его руки попал *гюр-хан*, он отрядил своего сына Души-хана с двадцатью тысячами воинов или более, чтобы покончить с ним и искоренить то, что выросло из его зла.

В то же самое время на Кушлу-хана со своей стороны двигался султан с шестидесятитысячным войском. И когда султан подошел к водам Иргиза, то застал реку замерзшей, и переправа через нее стала для него невозможной. Тогда он расположился у места причала, ожи-

²⁷ Тизенгаузен 1884. С. 7.

²⁸ Насави 1996. С. 47.

дая удобного момента для переправы. Когда это стало возможно, он переправился [на другой берег] и начал поспешно двигаться в поисках следов Кушлу-хана. Когда он на протяжении нескольких дней находился в походе, к нему прибыл один из его передовых отрядов и сообщил о приближении какой-то конницы. Это оказался Души-хан, который одержал победу над Кушлу-ханом, разбил его в пух и прах и возвращался с его головой»²⁹.

Воины вступили в перестрелку, но Джучи прислал к шаху посла с извещением, что вовсе не собирается с ним воевать и, более того, отец – Чингисхан – прямо запретил ему вступать в конфликт с Хорезмом. Монголы предложили хорезмийцам забрать всю добычу, которую они захватили у Кучлука. Но султан, видя малочисленность монголов, предпочел войну, и началась битва, в которой Джучи так умело атаковал левый фланг мусульман, что едва не довел противника до катастрофы. Сражение окончилось с наступлением темноты, под покровом которой монголы отступили, оставив в покинутом лагере разведенные костры. Уходя, они за ночь проделали расстояние двух дней пути.

Таким образом, поход не на монголов, а на Кучлука; место локализовано – река Ирғиз (по логике текста, в Кашгаре или ок. Баласагуна, на севере совр. Киргизии); нет безмерных потерь; огромное войско Хорезма; тщеславие султана; сын Чингисхана – Джучи; подробности битвы и пр. После этих сопоставлений сведения Ибн аль-Асира предстают байкой, подслушанной на базаре.

Столь же недостоверными, но вполне насыщенными именами и топонимами предстают сведения другого – на этот раз персидского автора XIII в., работавшего в Индии и не связанного ни с ан-Насави, ни с Ибн аль-Асиром. Абу-Омар Минхадж-ад-Дин Осман ибн Сирадж-ад-Дин ал-Джуджани (*Jowzjāni*; ок. 1193 – после 1265) находился на службе у гуридских султанов Афганистана в Бамиане. В ходе монгольского нашествия вынужден был в 1226 г. бежать в Индию, где провел остаток жизни при дворе правителей Синда, а потом Дели. Свое сочинение, составленное ок. 1260 г., Джуджани посвятил своему покровителю Насир-ад-Дину Махмуд-шаху (1246–1265) и назвал «Наси́ровы разряды» («Табакат-и Насири»). Оно представляет собой классическую для персидской литературы компилятивную всеобщую историю. Значение первоисточника имеют прежде всего ее разделы, посвященные истории мусульманских династий Индии в IX–XIII вв., а также Афганистана периода гуридов (середина XII в. – начало XIII в.). В конце работы некоторое место уделено монголам, о которых автор отзывался с раздражением и ненавистью, причем практически не имея личного опыта, основываясь на слухах и припоминаниях «из вторых рук».

Первое издание «Наси́ровых разрядов», хотя и не полное, увидело свет в Калькутте в 1864 г. Значительную часть текста перевел на английский и опубликовал с комментариями в 1873 г. майор Генри Раверти (Raverty; 1825–1906). Это издание до сих пор востребовано и переиздается. Переводы фрагментов на русский в конце XIX в. подготовил В. Г. Тизенгаузен – они изданы в 1941 г. Ни полного издания, ни полного перевода на какой-либо европейский язык труда Джуджани до сих пор не существует.

О наших событиях Джуджани сообщал: «В 615 году [Мухаммед, сын Текеша], погнался в Туркестан по пятам Кадыр-хана, сына [Юсуфа] Татарского... В это время Туши по приказанию Чингиз-хана из владений чинских отправился в погоню за войском татарским, а султан Мухаммед двинулся в ту сторону из Мавераннахра и Хорасана. Оба войска напали друг на друга и между ними произошел бой, [длившийся] от первого рассвета до намаза вечернего».

Чуть ниже Джуджани опять возвращается к теме и повторяет немного иначе: «В 615 г. [30 марта 1218 – 18 марта 1219 г.], когда хорезмшах Мухаммед отправился истреблять племена

²⁹ Насави 1996. С. 47–48.

Кадыр-хана Туркестанского, сына Иакафтана [?] йемекского, Туши из страны Тамгач [Китай] также пришел в тот край, и в течение суток у него происходил бой с войсками хорезмшаха...»³⁰

Местом сражения Джуджани называл местность Югур (Йигур) на самом севере Туркестана.

Таким образом, факт столкновения хорезмшаха с монголами во главе с Джучи подтверждается, но целью выступает вовсе не Кучлук, а некий Кадыр-хан из Туркестана, который как сын «Иакафтана» (или «Тафактана»; место читается плохо, а в другом говорится про «Юсуфа») «йемекского» (или «Йимак») может быть отнесен к одному из племен кимаков, родственных кипчакам.

Кипчаки (для европейцев – куманы, для русских – половцы), выходцы с Алтая, в XI в. населили и подчинили обширные области евразийской степи от Иртыша до Дуная, занимая равнины на Северном Кавказе, имея границу на юге вдоль побережья Черного, Каспийского, Аральского морей, а на севере – по краю лесной полосы. Вся эта область к XIII в. устойчиво именовалась в источниках Дешт-и-Кыпчак («кипчакская степь»). Половцы представляли собой группу племен, разделенную на две большие конфедерации: восточных («диких половцев») и западных. Граница между ними проходила примерно по Волге. Родственные половцам канглы населяли области между низовьями Сырдарьи и озером Балхаш. Лишь часть кипчаков образовывала в XIII в. устойчивые объединения. Такими были орда хана Кончака, кочевавшая на Дону и в Приазовье, племенной союз ольбери (ильбари), занимавший волго-уральское междуречье вплоть до Северного Приаралья, и канглы, соседствующие с Хорезмом³¹.

Согласно «Сокровенному сказанию» меркиты бежали «в сторону Канлинцев и Кипчаудов»³², то есть к канглы и кипчакам. Туда направились после гибели Тохтоа-бека его сыновья Худу, Гал, Чилаун (по Рашид ад-Дину: «брат Токтай-беки, Куду, и трое его [Токтай-беки] сыновей: Чилаун, Маджар и Мэргэн»³³). Суммируя сведения, можно сформулировать, что встреча хорезмийцев с монголами состоялась в глубинах «Татарии» (Ибн аль-Асир), которая находится за самым дальним пределом Туркестана (Джуджани), где протекает замерзающая река Иргиз (ан-Насави) в районе местности Югур (Джуджани). Возглавлял монголов Джучи, который возвращался после успешного карательного рейда на некое племя, которое также являлось противником Хорезма.

Почти все эти сведения обобщил и дополнил другой персидский автор, работавший в то же время, что и Джуджани, но в совершенно других условиях. Ала ад-Дин Ата-Малик бен Мохаммад Джувеини (*Juvayni*; 1226–1283) был высокопоставленным чиновником монгольской администрации Хулагуидов и выполнял свои изыскания по заказу начальства. В 1252–1260 гг. он написал «Историю Чингисхана», которую назвал «История завоевателя мира» («Та'рих-и джахангушай»). Сразу после одобрения сочинения заказчиками он получил важный пост – стал губернатором Багдада, Ирака и Хузистана (1259–1282). Окончив труд еще молодым человеком, он, судя по всему, позднее к нему не возвращался. Его источниками служили устные рассказы очевидцев и, что особенно важно, архивы – как монгольские, так и хорезмийские. Считается, что он был знаком с сочинениями ан-Насави и Ибн аль-Асира, а также, возможно, с «Сокровенным сказанием». Повествование «Истории завоевателя мира» простирается на период до 1258 года. Недюжинный литературный талант и, надо полагать, «политкорректность» обеспечили особую популярность этому сочинению, которое дошло до наших дней более чем в 50 списках.

³⁰ Тизенгаузен 1941. С. 13–14.

³¹ См. подробнее: Плетнева 1990. С. 146–171; Трепавлов 1993. С. 56; Ахинжанов 1995. С. 205–240.

³² Козин 1941. С. 151.

³³ Рашид-ад-Дин 1952. С. 177.

Первое издание Джувейни, не утратившее своей ценности, осуществил персидский текстолог, работавший в Европе, Мирза Мохаммед Абдольваххаб Казвини (Qazvini; 1877–1949) – в трех частях, в 1912, 1916 и 1937 гг. Частичные переводы публиковались еще в XIX в. Полный перевод на английский (и пока единственный доступный на европейском языке) выполнил в 1958 г. Джон Бойл. Классическим считается его переиздание в 1997 г. с дополнениями Дэвида Моргана (Juvaini 1997). Именно с этого издания на английском языке (!) произведен единственный полный перевод, выполненный Е. Е. Харитоновой, изданный на русском в 2004 г. (Джувейни 2004). Отрывки о монгольском нашествии на Русь переводил В. Г. Тизенгаузен (1941). Имеются другие переводы, выполненные с оригинала, но только фрагментов.

В первой части своего труда Джувейни размещал первое столкновение хорезмшаха с монголами хронологически много ранее «Отрарского инцидента», а во второй – сразу после. По его информации, султан Мухаммад отправился в Самарканд, чтобы готовить операцию против Кучлука, но узнал, что в «Кара-Куме, где живут канглы», появились изгнанные Чингисханом меркиты во главе с «Ток-Тоганом» (вероятно, Куду-хан). Тогда он повернул войска на Дженд (низовья Сырдарьи), за которым, в междуречье Кайлы и Кимач сразился с монголами. Чуть ранее он сообщал о «Ток-Тогане» отдельно: «Что касается Ток-Тогана, то он отделился от Кучлука во время недавней его борьбы за власть и ушел в область Кам-Кемчик. Ему во след Чингисхан послал своего старшего сына Туши с многочисленной армией, приказав уничтожить его: тот [Туши] выместил свое зло и не оставил следа от него [Ток-Тогана]. Когда они возвращались, их настиг султан...»³⁴

³⁴ Juvaini 1997. P. 69. Перевод с английского Д. Х. В квадратных скобках уточнения Д. Х.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.